

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ – 3

(В русском жанре – 63)

””

Долго не мог понять, и думаю, не я один, совершенно особого отношения советской власти к Олегу Ефремову.

То было не просто снисхождение к слабостям, где он был не исключением: на разводы и запои худруков власть смотрела куда безразличней, чем министров, секретарей обкомов или генералов.

Полностью не объяснить этой исключительности ни женским расположением Фурцевой, ни даже его социально близкими ухватками. В конце концов не один он был такой, а вот пил больше других, и дерзил круче, и даже идейно спотыкался, за что другие руководители с должностей слетали. А самоуправляемая структура рожденного им театра!

И всё-таки, кажется, понял: было в нем что-то не напоказ, глубинно людям власти родное, прежде всего безжалостность, вне которой и не может быть власти. Мне скажут, что сама должность худрука требует жесткости, что жестокими в своих театрах были Товстоногов, Гончаров или Любимов. Но именно природная, а не приобретённая в силу безжалостности театрального дела вообще, и главного режиссёра особенно.

Он был им подлинно *свой*, и как бы ни взбрыкивал, таковым и оставался, тогда как далёкие от политики Эфрос или Тарковский изначально и всегда были чужими и в подозрении.

””

Году в... нет, точно в 1997-м, когда мне исполнилось 50, редакция журнала «Волга» в лице моего зама Н. Шульпиной предприняла попытку эту дату чем-то, кроме редакционной пьянки, отметить, и с тем сходила в уже какие-то новые, всё еще непривычные структуры областной власти, чтобы попросить для меня звание заслуженного работника культуры России. Там, по словам ходатайки, крайне удивились такой фантазии и на корню пресекли.

А какие писатели (т.е. члены СП) Саратова имели звание «Заслуженный работник культуры»? Оказывается, совсем немногие: Н. Чернышевская, Н. Палькин, В. Гурьянов, В. Масян, Ю. Никитин, И. Шульпин.

Почему они? Ну, Чернышевская потому, что внучка, Палькин потому, что Палькин, остальные, надо думать, потому, что были ответсекретарями саратовского отделения СП, но почему тогда не дали заслуженных таковым же Б. Озерному, Г. Боровикову, М. Котову, В. Казакову, В. Сафронову, В. Бирюлину? К тому же в справке о Ю. Никитине сообщается, что в 1998 году «выходит из членов Союза писателей России в знак протеста против непрофессиональной литературной политики», а награда нашла героя в 2003-м... Стало быть, бывшие собратья по СП никак не могли представить его на звание, но кто же? А он сам вспоминает о своей книге «Царские забавы»: «Первым покупателем был губернатор, Д.Ф. Аяцков... говорил при вручении мне звания “Заслуженного работника культуры”, что подарил ее В.В. Путину, вице-спикер В.В. Володин подарил страстному охотнику С. Ястржембскому...»

Звания при всех режимах были куда важнее ордена, так как давали заметную прибавку к пенсии.

О них у меня был разговор с заслуженным деятелем искусств РСФСР Е. Водоносом. Слыша его жалобы на постоянные гонения и притеснения за инакомыслие, однажды спросил: как же тебя так отметили? Ответ Ефима был: не знаю, группой награждали. Но тогда искусствоведов, да ещё лиц еврейской национальности, да ещё с репутацией инакомыслящих, группами, да и не группами, не награждали.

И, поразмыслив на эту, скорбную для меня (пенсия за июнь 2019 г. 13 862 рубля), тему, я решил, что получает от государства звания лишь тот, кто очень хочет их иметь.

””

Саратовский поэт, вернувшись из дома творчества, делился: «Девяносто четыре стиха! Полторы тыщи строк, веришь, за месяц. Отвлечься невозможно, только, извиняюсь, в туалете сяду – бац! накатило, бегу к столу. Вот так. И поэму начал».

Вот добытый Алексеем Голицыным протокол партийного собрания саратовской писательской организации от 10 апреля 1958 года, на повестке которого стояло персональное дело коммуниста Ф. Кабарина.

«СЛУШАЛИ: Персональное дело Ф.В. Кабарина

Докладывает тов. Тобольский. Первый факт. Кабарин не выполняет обещания, данного собранию. После собрания, на котором стоял вопрос о снятии взыскания с Кабарина, его видели в ресторане и пьяным на улице. (Приводит примеры). Другой факт. Тов. Кабарин, как профорг, неправильно ориентировал обком союза работников культуры в вопросе выделения кандидатов из числа писателей на почетную грамоту ЦК союза за оборонную работу.

Третий факт. Кандидат философских наук тов. Иванов сообщил в Союз писателей (Котову и Тобольскому) о своем разговоре с приемным сыном Кабарина. Приемный сын сообщал Иванову о безобразном поведении Кабарина дома, о том, что он осыпает свою вторую жену площадной бранью.

Партийная организация пыталась помочь Кабарину устроиться на работу, но он не воспользовался этой помощью, как видно сам Кабарин не заботится о своем трудоустройстве. После всего этого я не считаю себя вправе защищать в райкоме решение предыдущего собрания о снятии выговора с тов. Кабарина, который был ему вынесен в свое время за утерю партбилета.

КАБАРИН: Я уже не первый раз объясняюсь по одному и тому же вопросу. Последнее время (после собрания) я не выпивал. В ресторан заходил обедать, был трезвым. О семье. С женой у меня размолвок не было. Были размолвки с приемным сыном. Я устраивался на работу в совнархоз, но мне по существу отказали. Думаю в конце апреля уехать в другую область. В отношении списка писателей на почетную грамоту. Меня попросили из обкома составить список о выступлениях читателей в воинских частях. Я такой список составил, не зная, для чего он нужен.

На детей от первой жены я деньги все время переводил. Сейчас я не работаю, но по мере возможности помогаю первой семье. В прошлом месяце перевел 300 руб.

БОРОВИКОВ: Тов. Кабарин, ты считаешь, что заслужил почетную грамоту за оборонную работу?

КАБАРИН: Нет.

БОРОВИКОВ: Какие меры ты принял, чтобы этот вопрос был решен правильно?

КАБАРИН: Я собирался заявить об этом, но не знал, как это сделать.

БОНДАРЕВА: Меня в данном случае не интересуют его семейные дела и история с грамотой. На прошлом собрании все по-человечески подошли к Кабарину. Он дал слово партийному собранию. И должен был сдержать его. За эти дни я не видела Кабарина пьяным, но я слышала все разговоры в союзе и верю им. Я верю Кабарину, что он не помнит. Это стало для вас обычным. Все слова, которые я высказала на прошлом собрании, я беру обратно. Я не могу больше верить Кабарину.

ОЗЕРНАЯ: Жалоба сына пока что не очень основательна. Принимать ее во внимание не следует. Но что касается выпивок, здесь идти на поводу обещаний Кабарина нельзя. Надо отложить решение вопроса о снятии взыскания с Кабарина и посмотреть, как он будет вести себя.

БЕЛЯЕВ: Постановка вопроса о Кабарине не подготовлена. Всплывает ряд обвинений, но они не подкреплены достаточно фактами. Вопрос о пьянке. Кто видел? Корректор. Можем ли ему верить.

ТОБОЛЬСКИЙ: Я сам видел Кабарина пьяным около рынка.

БЕЛЯЕВ: Ведь никто не говорит о том, что нельзя выпить рюмку. Нужно знать меру. Выступила Бондарева, а фактов нет. Это не серьезная постановка вопроса. Надо было выделить комиссию для расследования фактов.

ТОБОЛЬСКИЙ: Тов. Декатов, выпивали вы с Кабариным после собрания?

ДЕКАТОВ: Да. Действительно, мы с Кабариным выпивали, но ничего недостойного не было.

ТИМОХИН: Факты выпивок после собрания налицо. Они говорят о том, что нужно задержать решение предыдущего собрания. Предлагаю выделить комиссию для расследования его поведения в семье.

БОРОВИКОВ: Все мы желаем Кабарину добра. Никто из нас не занимается злопыхательством. В том, что Кабарину трудно устроиться на работу, виноват он сам. Надо прекратить хождение по ресторанам по любому поводу. На прошлом собрании Кабарин дал слово, но нарушил его. Кабарину надо вообще отрешиться от выпивок.

БОНДАРЕВА: Меня удивило и обидело выступление Беляева. Тон был такой, что мы все злорадуем по поводу Кабарина. Мы все желаем Кабарину добра. Я удивляюсь тов. Декатову, который разделил компанию с Кабариным.

БЕЛЯЕВ: Я не собирался брать под защиту Кабарина. Я хотел, чтобы мы лучше разобрались. Конечно, если есть данные о выпивках Кабарина, надо отменить решение предыдущего собрания.

ПОСТАНОВИЛИ: (решение прилагается).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. – (Кабарин) (Так! – С.Б.)

СЕКРЕТАРЬ. – (Тимохин)

Заслушав и обсудив сообщение секретаря парторганизации Саратовского отделения Союза писателей тов. Тобольского о новых фактах недостойного поведения члена КПСС тов. Кабарина Ф.В., партийное собрание постановляет:

1. Отменить решение партийного собрания Саратовского отделения Союза писателей от <...> марта 1958 года о снятии с члена КПСС тов. Кабарина Ф.В. партийного взыскания – строгого выговора.

2. Самым строжайшим образом предупредить тов. Кабарина, что если он немедленно не сделает для себя соответствующих выводов и будет продолжать вести себя недостойно, он будет привлечен к суровой партийной ответственности.

3. Рекомендовать тов. Кабарину трудоустроиться, а коммунистам т.т. Котову и Тобольскому помочь ему в этом, договорившись с соответствующими организациями.

4. Рекомендовать профсоюзной организации Саратовского отделения Союза писателей рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего пребывания т. Кабарина профоргом».

Юмор в том, что Коновалов, Тобольский и Тимохин мало чем уступали подсудимому по алкогольной части, за что и бывали наказаны по партийной части, но, в отличие от него, социального статуса не теряли. А все прелести вроде присвоения грамоты или хождения в ресторан из-за болезни жены читатель, думаю, оценит.

«Кабарин Федор Васильевич – журналист, поэт, прозаик Фёдор Васильевич КОБЫЛИН (настоящая фамилия) родился около 1925 года в деревне Тюли Ханты-Мансийского района. После войны жил в Кишинёве, где и опубликовал сборник стихов «Очень весело у нас» (1953). Затем жил в Саратове, там вышел его роман «Самарьяне» (1964). В саратовской периодике публиковал рассказы, очерки, стихи, переводы с украинского. НФ-повесть Кабарина «Сияние базальтовых гор» выходила и в Кишинёве (1956), и в Саратове (1957). Умер писатель после 1975 года».

В Сети можно прочесть не раз издававшееся «Сияние», где есть и старый бородатый профессор, и его ученик-изобретатель по фамилии Споряну (автор жил тогда в Кишиневе), за которым охотится иностранная разведка, есть полковник с седыми висками и шпион Эмиль Яковлевич Фирсун, «жгучий брюнет, внешне напоминавший кавказца».

В начале 60-х годов Кабарин, уже исключенный из партии, а в СП окончательно не принятый, работал грузчиком в Саратовском облкниготорге – последнем месте навсегда проштрафившихся «бывших». Там был редактор рязанской областной партийной газеты Афанасьев, с которым при встрече мой отец непременно останавливался побеседовать; я знал от мамы, что во время войны тот выручил её, забиравшую из рязанского госпиталя отца, с проездом до Саратова. Приятный был дядька, чего нельзя сказать о Кабарине, сохранявшем при грубом от природы и запянцовском облике черты крайнего «писательского» высокомерия.

””

Погрузившись в текст «Сиянья базальтовых гор», долго не мог оторваться не по причине литературных достоинств, коих конечно нет, а по какой-то образцовой советско-писательской пошлой подлости в её приключенческо-гэбешном варианте. И я задался вопросом: каким образом человек мог прийти к этому жанру и каким образом органы могли поощрить его в этой работе? Не буду гадать про поощрение материальное – в конце концов им был немалый гонорар, имею ввиду помощь творческую.

Кто были авторы советских шпионских книг? Было их не так много: от талантливого Григория Адамова до таких как его бездарный сын Аркадий, столь же бездарные Николай Томан или Василий Ардаматский, всего думаю, десятка три, почти исключительно москвичей. Линия более-менее продолжалась до конца СССР, замкнувшись на Юлиане Семёнове.

И вот в 50-е годы живёт в Кишиневе начинающий русский поэт, много пьющий и мало пишущий, и вдруг выпускает толстую шпионскую повесть.

Много пьющие и мало издающиеся поэты жили тогда повсеместно, но за такую работу не брались. Сочинять здесь полностью из головы невозможно, нужен специфический сюжет и наполнение его спецфактурой. И почему в подобных книгах так всё липово?

Вот свидание вражеских агентов в кафе:

«Наконец, он услышал за спиной голос:

– Прошу за мой столик, товарищ, здесь больше света.

Фирсун обернулся. За столиком у окна сидел одновременно с ним вошедший в кафе человек неопределённого возраста с пергаментного цвета лицом. Фирсун взял свой стакан,

пересел за столик у окна и осмотрелся: поблизости никого не было. Официантки переговаривались с буфетчицей в противоположном конце зала. Незнакомец заговорил полушёпотом:

– Персональное задание разведцентра вам, “Брюнет-прима”, – сфотографировать чертежи двигателя Споряну. Вы имеете доступ в ЦАВИ. Командировку продлим... Через несколько дней встретимся. – Незнакомец поднялся, сказал нарочито громко: – Благодарю за компанию. До свидания! – И вышел.

Минуты через две покинул кафе и Фирсун, думая: “Легко сказать: сфотографируй. А если заметят?..”»

Вот красавица-балерина, ставшая сотрудницей органов. Советскому читателю полезно узнать, как это бывает:

«Ей вспомнился первый разговор с полковником Вересаевым. Вспомнилось, как она сама взялась за опасное поручение и как с тех пор самозабвенно служила этому делу.

Начинающая балерина Наташа пришла на этот тернистый путь по велению сердца. Вращаясь среди поклонников балета, она заметила однажды молодого человека, упорно искавшего знакомства с семьёй профессора Кремлёва. Это и привело её к полковнику Вересаеву – отцу её школьной подруги. Он внимательно выслушал Наташу, но не поверил в её предположения.

– Ну, благодарю вас, Наташа. Факты любопытны. Но об этом никому ни слова. Если будет удобно, наблюдайте, запоминайте, с кем встречаются художник и этот молодой человек. Неплохо было бы ближе познакомиться с ним.

– Мы немного знакомы.

– Очень хорошо. Но будьте осторожны. Не слишком назойливы в наблюдениях. Нам не звоните, не заходите. Мы найдём возможность видеть вас...

Вспоминая этот разговор, Наталья Ивановна мысленно перескакивала от одного эпизода своей жизни к другому, с теплотой думала о полковнике Вересаеве, который, как ей казалось, заменил ей отца».

Может, так у них и бывает? ведь поведал же наш президент, что сам туда попросился, очарованный кинофильмом «Щит и меч»...

Но как бы то ни было, раз ведомство допускало издание этих «сияний», оно в них нуждалось. Юлиан был один, а в 50-е годы и его ещё не было.

«Ярусов прошёл тенистой аллеей бульвара, укрываясь от лишних глаз, и зашёл в магазин, чтобы сменить шляпу, галстук, купить тёмные очки. Приблизаясь к галантерейному отделу, он невольно вздрогнул: у прилавка стоял Энрике Томмах. Ярусов дождался, пока тот сделает покупки, купил сам, что нужно, и догнал его на улице. Поравнявшись, незаметно задел локтем и тихо сказал:

– Продаются апельсины...

Ярусов заметил, что юноша вздрогнул, и пошёл рядом, ожидая ответа. Энрике не спеша достал портсигар, взял сигарету и, повернувшись к Ярусову, сказал:

– Разрешите прикурить... – Пока Ярусов зажигал спичку, Энрике добавил полушёпотом. – Завтра в одиннадцать, в кафе “Гранатовые соки”, – прикурил и свернул за угол.

Ярусов пошёл в косметический магазин-ателье изменить причёску, брови.

Оказавшись на улице, он остановился, широко улыбаясь созревшей в его голове сенсационной для разведки крупной провокации, на волнах которой можно будет высоко прыгнуть по служебной лестнице, не говоря уже о крупном бизнесе. Оказавшись на улице, он остановился, широко улыбаясь созревшей в его голове сенсационной для разведки крупной провокации, на волнах которой можно будет высоко прыгнуть по служебной лестнице, не говоря уже о крупном бизнесе. Он прошёл по бульвару, занял столик в

открытом кафе, чтобы можно было наблюдать за движением на аллеях, заказал коктейль и начал обдумывать детали проведения операции. Он отпил полбокала, закусил апельсином, закурил, продолжая обдумывать последствия родившейся в его голове провокации Митчелл в восхищении потёр руки, допил бокал и пошёл готовиться к задуманному им “блестящему делу”».

Трясущийся с перепою кишинёвский поэт Федя Кабарин мог разве что про полбокала сообразить, а далее?

« – Что, по-вашему, самое главное в шпионской деятельности Кинга?

– Разбрасывание ампул с бактериями энцефалита и холеры.

– Вносишь в почву с осени. Можно и зимой рассеивать по снежному покрову. Весной злаковые, овощные культуры и даже травы впитают этот препарат вместе с влагой. Ну, а дальше всё пойдёт обычным порядком: кто бы ни употребил в пищу продукты из этих злаков и трав – люди или животные – финал один. Сорок дней длится инкубационный период, а затем наступает сонный паралич.

– С разведением колорадского жука выбросили на ветер 20 миллионов долларов, в Корею получили слишком дорогую пощечину, теперь выбросите полмиллиарда, к тому же посеете чуму и холеру в Штатах.

– Каким образом?

– Да очень просто. Взлетит ваша лаборатория с чумными бактериями и холерными вибрионами в воздух...

– Шпиону к нам не проникнуть...»

Полагаю, что даже Фединым консультантам из молдавского ГБ такие темы были не плечу. Вероятно, существовали какие-то центральные сценарные разработки для производства «Сияний»...

””

«Их объединяет не организация, и не общая идеология, и не общая любовь, и не зависть, а нечто более сильное и глубокое – бездарность.

К чему удивляться их круговой поруке, их спаянности, их организованности, их настойчивости? Бездарность – великая цепь, великий тайный орден, франкмасонский знак, который они узнают друг на друге моментально, и который их сближает, как старообрядческое двуперстие – раскольников». Эммануил Казакевич.

””

Из дневника М.М. Пришвина, 1946 год:

«Леонов выступает в “Правде” с торжественным словом Сталину, как «первому депутату». Неискренность, напыщенность, риторика последних высказываний его, мучили, вероятно, не меня одного. Но есть и поклонники этого кушанья, это, наверно, те наивные советские граждане, которым в этом мутном потоке слов чудится та настоящая великая литература, о которой они, вообще, слышали, но прочитали это “Слово”, отбросив все старое... <...>

Вчера встретил Катаева и, чтобы не молчать, спросил о собаке его покойного брата. Я не первый раз его об этом спрашиваю и вполне его понимаю, что он обозлился. Я, говорит, не люблю ни собак, ни охоты. Началось ожесточенное *qui pro quo*. И почувяв, что он зарвался, пошел на отступление. – Охота, – говорит, – это у вас поза, но писатель вы превосходный: какой язык, но пишете вы не о том, что надо. – Как! – закричал на него я,

наступая и сжав кулаки, – я именно тот единственный, кто пишет что надо. Так и запомните: “Пришвин пишет только о том, что надо”. После того Катаев смутился и смиренно сказал: – А может быть, и правда: пишете что надо. – То-то, – сказал я. И простился довольно дружески.

””

В 1951 году, в № 25 журнала «Крокодил», за подписью Мих. Зощенко был опубликован текст «Джентльменские нравы», изобличающий американских журналистов:

«Пирсон заслуживает того, чтобы его знали. Тем более, что там, у себя в США, это довольно-таки крупная личность, согретая лучами сомнительной славы. В двух словах расскажем, что он собой представляет. Это журналист. Ближайший сотрудник газеты «Дейли миррор». Видный радиокомментатор и радиообозреватель. Политическая физиономия его лишена полутонов. Его собрат по перу, некто Роберт Аллен, так охарактеризовал Пирсона: “Среди представителей печати Дрю является самым ярким сторонником программы справедливого курса”. А так как в Америке “справедливым курсом” официально называют курс нынешнего правительства, то (в переводе с английского) получается, что Пирсон является ярким сторонником и поджигателем новой мировой войны. И общеизвестно, что эту свою линию он ведёт систематически и неуклонно. Свою карьеру Пирсон начал довольно оригинально. На попрание журналистики он избрал также и обличительный жанр. Он разоблачал видных деятелей США. Описывал скандалы из их личной жизни и всякого рода аферы этих власть имущих людей. Конечно, особого вреда (кроме беспокойства) видным деятелям он не причинял, тем не менее в журналистике он занял позицию обличителя. Однако, “бичуя” пороки и “вскрывая” язвы, Дрю Пирсон отнюдь не стремился к уничтожению их. Напротив, как раз на обилии пороков он строил свой “маленький бизнес”. Нарывы и язвы помогали ему “делать деньги”. Зачем же уничтожать то, что приносит благо? Абсурд с коммерческой точки зрения. Такая маскировка под благородного обличителя приносила Пирсону добавочные доходы и выгоды. Обывателям нравились его скандальные статейки с благородной моралью. Спрос на его продукцию возрастал. И Пирсон стал богатеть. Его заработок достиг 300 тысяч долларов в год. Это уже были те приличные деньги, которые открывали двери в высшие сферы. Правда, о Пирсоне отзывались кисло. Нередко добавляли к его пресветлому имени колкие эпитеты, например: “лживый дегенерат”, “продажная свинья”. Но это не меняло дела, и Пирсон со своими распухшими карманами поднимался всё выше и выше по ступеням капиталистической лестницы. И наконец исполнилась мечта его жизни: его стали приглашать в лучшие американские дома на званые обеды и балы. На одном таком званом обеде случилось происшествие, которое увенчало Дрю Пирсона неувядаемой славой. Однако окажем несколько слов о том, что случилось до званого обеда. Незадолго до этого пышного события мистер Пирсон имел неосторожность коснуться своим нержавеющей пером сенатора Джо Маккарти – бешеного сторонника всего реакционного и фашистского. Конечно, Пирсон знал, с кем он имеет дело, но он, так сказать, недоучёл некоторые душевные свойства сенатора. Это только потом, по окончании всей истории, Пирсон (в своём заявлении, поданном в суд) охарактеризовал сенатора Маккарти как человека “с жульническими манерами гангстера”. А до этого Пирсон, не ожидая никаких бед, задел сенатора в своём выступлении, уличая его в каких-то неблагоприятных поступках. Обвинения были близки к истине. Сенатор Маккарти пришёл в неопишемую ярость и решил при случае рассчитаться “с этим дегенератом Пирсоном”. Такой случай вскоре представился. Журнал “Тайм” игриво сообщает, что “в столице США имеют привычку забавляться: приглашают на званые обеды заядлых врагов и затем потешаются теми скандалами, которые возникают в результате этих встреч”. Так произошло и тут. Некая

представительница высших сфер, Луиза Штейман, желая повеселить своих гостей, пригласила на обед сенатора Джо Маккарти и журналиста Пирсона. Враги столкнулись почти что сразу, ещё не успев, так сказать, вкусить обеда. Сенатор Маккарти, узрев среди гостей журналиста, с яростью тигра кинулся на него. Солидная газета “Вашингтон пост” не без удовольствия сообщает, что “сенатор Маккарти схватил Пирсона за шиворот и, ударив по животу, причинил ему боль”. Журнал “Тайм” описывает эту дикую сцену более подробно: “Схватив Пирсона за шиворот, сенатор потащил его за собой. Затем, ударив ладонью по лицу, сбил его с ног. А когда Пирсон поднимался с пола, сенатор дважды ударил его ногой по животу”. Всё произошло так быстро, что гости не успели как следует насладиться зрелищем. Тем более, что Пирсон (по словам журнала) “поспешил уйти в туалет”. Однако сенатор выгреб его оттуда и новым “ударом ноги в низ живота опрокинул его на пол”. Журнал “Тайм” авторитетно добавляет, что “никакой судья не засчитал бы этих ударов”. Ошеломлённый Пирсон хотел было подняться, но тут сенатор (с помощью гостей) “подбросил Пирсона в воздух на три фута над полом”. Печать не сообщает, что было дальше, но надо полагать, что после падения с высоты Пирсон уже не смог драться. Однако обед (без участия Пирсона и Маккарти) всё же состоялся. За обедом именитые гости, вероятно, делились впечатлениями. Кушая, лениво перекидывались фразами: – Да, этот Маккарти, пожалуй, забьёт любого гангстера... – Должно быть, он прошёл хорошую школу среди них... – А кто его знает, может, он и сам гангстер... – Между нами, господа, сейчас сам чёрт не разберёт, где кончается гангстер и начинается сенатор. Обед прошёл в тёплой и дружеской атмосфере. Гости единственно сожалели, что драка закончилась слишком быстро. Но надо полагать, что хозяйка утешила гостей, обещав на следующем обеде устроить побоище более грандиозное, так сказать, соответствующее их вкусам.

Чем же кончилась вся эта история? Быть может, вы думаете, что Пирсон повесился, не перенес публичного оскорбления? Нет, он и тут остался верен себе: решил “делать деньги” из создавшейся ситуации. Побитый и растерзанный, он поспешил в суд и подал заявление с просьбой взыскать с сенатора и гостей... нет, сколько, вы думаете, он потребовал? Пять миллионов сто тысяч долларов! Солидная цифра за столь пакостную личность! Впрочем, Пирсон сам собой торгует, и ему видней, сколько он тянет на коммерческих весах Америки. Следует учесть, что сенатор Маккарти уже успел ударить его по карману и, как говорится, “выбил из бизнеса”: уговорил субсидировавшую выступления Пирсона фирму “Эдэм РСЭТ Сторс” не возобновлять с ним контракта как с радиокомментатором. Нет, мы не думаем, что Пирсон получит по суду пять миллионов. Не такой человек сенатор Маккарти, с которого можно будет что-либо взять. Он сам с любого возьмёт, судя по его мёртвой хватке.

Потерпев неудачу в рукопашном бою с сенатором, Пирсон не упал духом. Недавно он широко оповестил поклонников своего таланта о намерении приступить к разоблачению самого Маршалла. Зачем понадобилось ему это новое “разоблачение”? Это понадобилось ему для того, чтобы по-прежнему маскировать истинные намерения поджигателя войны. Ведь под такое разоблачение нетрудно будет освежить кампанию по разжиганию военной истерии. Надо думать, что запросит он за это немало, если за простой мордобой заломил пять миллионов!»

Я немало знаю о тогдашнем состоянии Михаила Михайловича, и всё же, прочитав, заново удручился: что же они сумели сделать с последним великим русским писателем!

””

Моё детство (родился в 1947 г.) пришлось на разгар холодной войны. Однажды летом 1952 года взрослые велели опасаться появившихся мух цеце – крупных и с тремя

полосками на спине, которых американцы запустили, чтобы перекусили советских детей. Порой это воспоминание стало казаться фантазией, но вот:

Сергей Швецов. Пчела и муравей. (Журнал «Крокодил», 1952)

Американские самолёты сбрасывают вместе с другими насекомыми пчёл и муравьёв, зараженных смертоносными бактериями (из газет).

*Один холерный муравей
Беседовал с пчелой чумною:
– Как надругался надо мною
Палач Кореи – Риджсуэй!
Как изменилась жизнь моя
С её миролюбивым бытом:
Был честным тружеником я.
А стал гнуснейшим паразитом!
– Творятся страшные дела!
– Сказала муравью пчела.
– Мне чудный дар дала природа,
Меня принять был всякий рад,
А нынче людям вместо мёда
Я приношу смертельный яд!*

Если и сейчас первые пропагандистские каналы ТВ такими же страшилками угощают, что же завтра?

2019